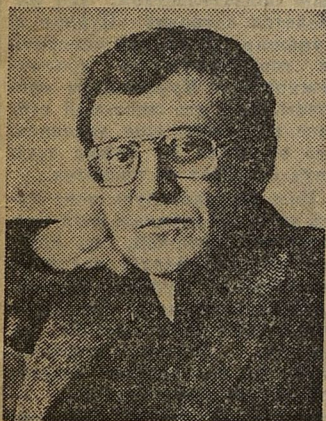

Нужен ли ГУЛАГ мировому кино?

На этот вопрос пытается ответить режиссер А. Митта

В монтажной студии, на одной из улиц центрального Лондона, где кипела заключительная работа над новым фильмом Александра Митты, мы увидели кадры, сразу врезающиеся в память: в лагерьном морге изможденный и лысый зек находит полуживую девочку. Она еще дышит, и он решает ее спасти... Фильм называется «Потерянный в Сибири». Снят совместным предприятием «Мосфильма» и британской фирмы «Спек-груп», продюсер — Б. Брамс.

— Александр Наумович, опять сталинские лагеря, охранники на вышках, «политики», притесняемые «урками»? Только на сей раз — в английском исполнении?

— Почему — опять?... Вы когда-нибудь видели в художественном фильме жизнь сталинского лагеря во всех его ужасающих деталях и подробностях? Весь этот страшный механизм подавления личности и уничтожения русского человека в родной стране?

— Но ведь сейчас довольно широко распространено мнение, и не только неосталинистов, в нашей стране: хватит, наелись до отвала этой «сталищины», сколько можно копаться, в нынешних бы проблемах разобраться...

— Главное для меня как для режиссера: у челове-

ской памяти должен быть визуальный образ. Мы знаем о тех страшных временах из литературных источников: Солженицын, Шаламов, Гинзбург, Разгон... Подобного на экране мирового кино пока не заявлено. Хотя, разумеется, тема диктаторства, и в частности сталинского режима, уже воплощена в нескольких лентах советских кинематографистов.

— Вы не могли бы сказать несколько слов о сюжете своего фильма, его, как мы привыкли выражаться, идейных сверхзадачах?

— Сначала я хотел снять картину только про лагерный быт. Но на определенном этапе сбора материала, написания сценария (совместно с моим постоянным соавтором Валерием Фридом) я пришел к убеждению, что необходима человеческая история. И она в фильме есть. Не стану до широкого экрана раскрывать деталей... Мы старались исследовать силу человеческого духа, почему человек остается человеком в звериных условиях.

— Где снимался фильм? Ведь вам необходим был хотя бы сохранившийся сталинский лагерь...

— Съемки происходили под Ярославлем, в Средней Азии и в Средней России, в Москве...

— Обычной для киношников летней экспедиции в Крым не состоялось?

— Понимаю вашу иронию... Но русские актеры, снимавшиеся в фильме, Гафт, Жарков, Гундарева, Гердт получали зарплату только в рублях, а отнюдь не в валюте. И командировками в Англию их не завлекали. И вы знаете — ничего! С большим вдохновением работали... А что касается лагеря, то нам его выстроил кооператив — бараки, «шизо», морг, вышки, дежурные помещения. Очень талантливо они его исполнили. Один из наших консультантов, отсидевший много лет, подошел к воротам «нашего» лагеря и не мог дальше ид-

ти... Боялся, что сердце остановится.

— Вы старались достичь в фильме документальности?

— Чтобы достичь в художественном фильме документальности времени, нужны колоссальные средства. И они у нас, благодаря английской фирме, были. В фильме — огромные массовки, ведь события происходят в лагере, где сидят две тысячи человек. Для того, чтобы те же бушлаты лагерников выглядели естественными, я подвергал их обработке в автоклавах до шести раз. Специальную резиновую обувь того времени для зекów шили на заводе по нашим моделям. У нас были консультанты даже по жаргону. Так, например, я узнал, что бытующее в нынешней уголовной среде выражение «козел воюющий» в те времена просто не употреблялось.

— Вы назвали блестящий ансамбль актеров, входящих в вашу команду. Они — популярны и известны...

— Полагаю, что фильм подарит зрителю новых талантов — Евгений Миронов (это его вторая картина), Игорь Сукачев — тот самый, из «Бригады С». А Елена Майорова, а Владимир Ильин! Я надеюсь на их прекрасное актерское будущее. Наконец, в нашем фильме снялся известный английский актер Энтони Эндрюс.

Тридцать лет до этого я трудился на лучшей (по техническим возможностям) киностудии страны, а сейчас порой чувствую себя мальчишкой перед той тщательностью, с которой работают британцы. Музыку к фильму написал молодой композитор из Ленинграда Леонид Десятников. Поскольку его работа действительно талантлива и уникальна, в Лондоне ему предложили сразу же выпустить пластинку с музыкой, использованной в фильме. Что же касается Энтони Эндрюса, то он жил фильмом 24 часа в сутки. Энтони, подтянутый и сухощавый, как многие

англичане, специально похудел на 15 килограммов и превратился просто в скелет... Таков его герой по сценарию.

— А не сложно работать с иностранцами?

— Я снял две картины с немцами, две — с японцами... Мне кажется, мы хорошо понимаем друг друга. Это язык профессионалов.

— Вы знаете, обиднее всего — когда же нашим талантливым режиссерам удастся снимать свои фильмы по-настоящему, с таким размахом?

— Мы, казалось бы, ушли от диктата Госкино, но... попали в зависимость от проката!

— Каким же вам видится будущее русского кино на международной арене?

— Во всяком случае будущее не за лентами с различного рода шлюхами и ракетом... И даже не крутыми боевиками. Хотя и они, разумеется, будут находить свою аудиторию. Мне кажется, для советского кино приходит время очень серьезных и вдумчивых фильмов... И нам, естественно, хотелось бы вывести нашу ленту на самый широкий мировой экран. Я достаточно скромно оцениваю свои возможности, но повторю: люди во многих странах знают, что такое сталинский ГУЛАГ, но воочию они его увидят впервые.

— Как могут отнестись к вашей картине работники КГБ и МВД?

— Почему они должны относиться плохо? Сотрудники Комитета госбезопасности и МВД очень старательно нам помогали. У нас были консультанты из этих ведомств.

— Бен Брамс, ваш продюсер, сказал мне по секрету, что вы подыскиваете в Лондоне черного смокинга и галстук-бабочку... Не за горами — Канн?

— Да, наш фильм представлен на Каннский фестиваль.

— Искренне желаю успеха.

А. КУПРИЯНОВ.
(Наш соб. корр.).

Лондон.